

После дворцового пира двое бессмертных владык ждали во Дворце Духовной Оси за чашкой чая. Хэ Бугуй, который поспешно покинул торжество ради спасения человека, непременно должен был вернуться и объясниться. Бай Инчи уже нарезал лунные пряники, заварил и поставил греться чай. Едва минула полночь, как в зал, принеся с собой дыхание ночной прохлады, вошел Хэ Бугуй.

— А вот и он, — поманил его рукой Бай Инчи. — Садись ближе, шиди, здесь теплее.

Бессмертная Тайцин, отличавшаяся нетерпеливым нравом, не успев проглотить кусок лунного пряника, спросила:

— Ну что? У Юй Уцюэ есть зацепки насчет того нечестивца?

— Позовите У Цинланя, — ответил Хэ Бугуй, усаживаясь со скрещенными ногами между ними. — Вещдок у него. Шисюн, тебе придется помочь ему извлечь эту штуку. Избавь парня от лишних мучений.

Отхлебнув обжигающего чая, Хэ Бугуй без утайки поведал о случившемся. Лишь когда речь зашла о намерениях нечестивца, он на мгновение замаялся — редкая для него нерешительность.

Бессмертная Тайцин возмущенно сжала кулаки:

— Среди бела дня?! Этот мерзавец не гнушается даже юношами?!

Вглядываясь в золотистый чайный настой, Хэ Бугуй негромко произнес:

— Так утверждает Юй Уцюэ. Впрочем, бесстыдство — не самое главное в этом деле. Шицзе, забудь об услышанном. Не расспрашивай его и упаси бог кому-то сболтнуть.

— Верно, — согласился Бай Инчи. — Мальчик наверняка пережил глубокое потрясение. Тебе стоит его утешить.

— Нечего тут утешить, — Хэ Бугуй подцепил палочкой кусочек лунного пряника и отправил его в рот. — Зацепок мало, медлить нельзя. У меня есть одна мысль.

Снятием чешуйки — единственной вещественной улики — Бай Инчи занялся лично. Когда магическую печать взломали, боль оказалась невыносимой, однако У Цинлань лишь безмолвно стиснул зубы. Закончив, глава дворца велел юноше возвращаться к себе и хорошенько отдохнуть, избавив его от лишних расспросов. Лишь тогда У Цинлань смог вздохнуть с облегчением.

Почтительно поклонившись старшим, на прощание он совершил перед Хэ Бугуем неожиданно торжественный, исполненный глубокой благодарности поклон, озадачивший присутствующих.

Лишенную плоти призрачную чешуйку удалось сохранить лишь с помощью особых чар. Осевшая на ней демоническая энергия оказалась слишком слабой: чтобы выследить ее обладателя, требовалось время, а лучше всего — случай, который заставил бы нечестивца вновь проявить себя.

Впрочем, судя по причудливым повадкам этого существа, ничто не мешало им расставить силки.

Уже на следующий день Хэ Бугуй претворил задуманное в жизнь. В кратчайшие сроки он создал дюжину искусно выполненных марионеток, неотличимых от юных дев, и расставил эти «приманки» в окрестностях Озера, Обнимающего Луну, решив ловить зверя на живца.

— На третий день после размещения одна из марионеток подверглась нападению в роще к югу от озера. Одежда на ней была растерзана. Поняв, что перед ним бездушная кукла, нападавший мгновенно растворился в воздухе. Мы извлекли духовное ядро марионетки, и она подтвердила: злоумышленник был облачен в одеяния ученика Дворца Небесного Предела. Это мужчина с незнакомым лицом. Его портрет показали Му Цинцзюню, но тот уверяет, что среди его воспитанников такого человека нет.

Прежде в эту пору Хэ Бугуй уже не выпускал из рук грелку, но в последнее время, верно благодаря целебным отварам, его щеки заметно порозовели, а пальцы больше не леденели. И все же преданный слуга по привычке оберегал его от сквозняков.

— Сегодня пошел седьмой день. Нападению подверглись еще три марионетки. У одной из них оторвана рука, причем срез выглядит странно — словно его разъело какой-то кислотой. Вдобавок там остался более плотный след демонической ауры. Поврежденный корпус я уже передал главе дворца.

— Это щупальца! — раздался от ворот звонкий голос Юй Уцюэ. — Когда он принимает истинное обличье, структура его плоти меняется. У многих тварей кожа выделяет едкую слизь.

Кунчжи поднял голову и тепло улынулся гостю. Хэ Бугуй, не отрываясь от неторопливого перебирания чайных листьев, сухо заметил:

— Подслушиваешь чужие разговоры? Какая поразительная дерзость.

Юй Уцюэ с сияющей улыбкой подошел к столу, опустил на него ларец с едой и сбросил с плеча увесистый холщовый мешок.

— Время пришло, я как раз шел к вам на проверку домашних заданий, — без тени смущения

оправдался он. — И невольно услышал краем уха. Не гневайтесь, бессмертный господин.

Хэ Бугуй, разумеется, еще в самом начале почуял, что за стеной кто-то шуршит и топчется, никак не решаясь войти.

Отдуваясь, Юй Уцюэ принялся выуживать из мешка свои сокровища: аккуратно переписанный канон, два свитка со свежими чертежами и три недоделанные детали. Сложив все это перед хозяином дома, он сокрушенно поскреб затылок и, робко ловя взгляд Хэ Бугуя, пробормотал:

— Прошу вас, взгляните, бессмертный господин.

Так выглядели плоды его трудов за минувшую неделю.

На следующий день после празднества во дворце Кунчжи огорошил его известием: утренние и вечерние занятия возобновляются по личному повелению Хэ Бугуя.

Поначалу Юй Уцюэ не мог нарадоваться: мол, наставник разглядел в нем скрытый талант и рассудил, что держать такого самородка на побегушках — непозволительное расточительство. Вот и разрешил тратить время на трактаты и медитации. Но реальность быстро спустила его с небес на землю. Черной работы меньше не стало, а расписание уроков блюлось со священной строгостью. В итоге за учебники ему приходилось садиться вместо сна.

Юй Уцюэ понятия не имел, какая муха укусила Хэ Бугуя, решившего выжать из него последние соки, но в качестве наставника тот приставил к нему Куньняня.

А кто такой Куньнянь? Хранитель библиотеки, который верой и правдой служил среди книжных завалов больше сотни лет! В его ведении находились десятки тысяч томов, и, попроси его процитировать хоть обрывок строчки, он без запинки назвал бы свиток, главу и страницу. Будучи марионеткой, Куньнянь не нуждался в отдыхе и впитывал знания день и ночь, став ходячей энциклопедией. От таких уроков у Юй Уцюэ шла кругом голова. Стоило ошибиться хоть в одном иероглифе, как Хранитель тут же ловил его на слове. За оплошность можно было получить порицание, но на третий раз в комнату без лишних разговоров являлись Посланник закона и Посланник дисциплины с бамбуковыми розгами и тяжелыми линейками.

Больше всего на свете Юй Уцюэ ненавидел зубрежку. За несколько дней его тело покрылось багровыми полосами, и теперь, замешивая тесто на кухне, он так отчаянно костерил свои мучения, что его ругань долетела до ушей Кунчжи. Добросердечный слуга даже пришел его утешить.

— Истинный человек Чансы считает, будто простая работа губит твоё дарование, и всячески высказывает свое недовольство нашему господину, — мягко объяснил Кунчжи. — Но ты должен понимать: тот, кто не способен справиться с малым, никогда не добьется великого. Хозяин вовсе не желает тебе зла.

Юй Уцюэ осенило, и обида мгновенно уступила место трепетной благодарности. Выходит, суровость Хэ Бугуя была проявлением заботы, а он, неблагодарный, посмел усомниться в благородстве наставника! Если рассуждать так, то до заветного ученичества рукой подать! С того дня юноша переносил все тяготы с блаженной улыбкой. Каждое утро он поднимался с синяками под глазами величиной с кулак, учился, убирал, готовил и терпеливо считал дни до конца недели, когда ему позволялось предстать пред ясные очи бессмертного владыки. И вот этот день настал.

— К урокам мы вернемся позже, — Хэ Бугуй с видимым удовольствием оглядел живописные тени под его глазами и равнодушно спросил: — Ты ведь слышал, о чем мы говорили. Что думаешь?

— Этот нечестивец на редкость глуп, — безапелляционно заявил Юй Уцюэ.

Хэ Бугуй невольно согласился с ним — иначе зверь давно почуял бы подвох и не бросался на бездушных марионеток.

— В первый раз его оплошность еще можно было списать на случайность, — рассуждал Юй Уцюэ. — Но то, что он раз за разом попадает в одну и ту же ловушку, говорит о многом. Помните наше столкновение? Он ведь даже не сумел отличить мужчину от женщины. Тут дело не в банальном скудоумии.

Хэ Бугуй согласно кивнул:

— У него нет плотной телесной оболочки, возможно, это лишь фантом. А то, что он путает полы, может свидетельствовать либо о помутнении рассудка, либо о крайней слабости зрения.

— Но он не похож на слепца, — возразил Юй Уцюэ. — Что, если у его истинного тела действительно проблемы с глазами? Или... среда, в которой он обитает, лишает его способности здраво мыслить и четко видеть?

Хэ Бугуй ненадолго задумался, не спеша с выводами, а после обратился к слуге:

— Кунчжи, его речи все те же?

— Есть кое-что примечательное, — отозвался тот. — Одна из марионеток попыталась сбить его с толку: заявила, что ей вовсе не шестнадцать лет, да и родимого пятна меж бровей у нее нет. Однако незнакомца это не остановило. Он продолжил распускать руки, пробормотав: «Неважно. Время пришло, пора обзавестись потомством».

— Обзавестись потомством? — Хэ Бугуй отложил чайную иглу. — Та чешуйка была покрыта влагой, да и сам он постоянно крутится возле Озера, Обнимающего Луну, и мгновенно растворяется в воде. Неужели это водный дух?

Для Юй Уцюэ эти рассуждения были в новинку, но он тоже приложил усилия, чтобы внести свою лепту:

— Бабушка много рассказывала мне о повадках нечисти. Помнится, время спаривания у водных демонов напрямую зависит от среды их обитания. Те, у кого брачный период приходится на весну или осень, обычно поднимаются из темных глубин океана. Но Дворец Небесного Предела расположен в тысячах ли от побережья. Откуда здесь взяться морской твари?

Озер в Срединной равнине хватало, да и на землях ордена раскинулось несколько крупных водоемов, но все они были пресными. Морские чудища мало того что обладали исполинскими размерами, так еще и не вынесли бы здешней воды. Однако если говорить о настоящей океанской бездне... кое-что подобное во Дворце Небесного Предела действительно имелось.

— Кунчжи, ступай к шисюну и передай ему наши догадки, — распорядился Хэ Бугуй. — Он поймет, где искать.

— Слушаюсь.

После завершения дел пришел черед проверять тетради. Хэ Бугуй наугад вытянул один свиток, развернул его и тут же поморщился.

Написано было из рук вон плохо. Иероглифы больше походили на пьяных пауков.

Он бесцеремонно захлопнул тетрадь и с укором произнес:

— Нечитаемо.

— Как так? — всполошился Юй Уцюэ. — Что именно неясно? Давайте я все объясню!

«Еще чего не хватало — твоих объяснений», — подумал Хэ Бугуй.

— Чертежи выполнены недурно, — вслух заметил он. — Но эти каракули... О чем думал Куньянь, когда принимал у тебя подобную мазню?

— Учитель тут ни при чем, — повинился Юй Уцюэ, пряча глаза. — Это все моя вина. Обещаю исправиться и прилежнее тренировать почерк.

Сгорая от стыда под суровым взглядом наставника, он принялся торопливо сгребать свитки обратно в мешок. В спешке широкий рукав его халата задрался, обнажив предплечье. На бледной коже синели следы от ударов дисциплинарной линейки.

Взгляд Хэ Бугуя на мгновение замер на этих синяках. Да, он действительно велел Куньяню не давать поблажек новому ученику — коли уж тот взялся за ум, спуску ему давать нельзя. При малейших признаках лени в ход должна была идти линейка. В конце концов, старая мудрость гласит: «Из-под палки рождается почтительный сын». Значит, и строгость рождает истинных мастеров.

Вот только бездушная марионетка не ведала жалости и меры. Избитый до полусмерти мальчишка едва мог удержать кисть в дрожащих пальцах — неудивительно, что его почерк превратился в нечитаемые каракули.

— Покажи руки, — негромко приказал Хэ Бугуй.

Юй Уцюэ вздрогнул и обреченно протянул ладони, ожидая новой порции наказания. Однако Хэ Бугуй лишь осторожно перехватил его запястье и потянул рукав выше.

Осмотрев распухшую кожу, он спросил:

— Сносишь побои, но все равно рвешься к учебе?

— Конечно, — улыбнулся Юй Уцюэ, заглядывая ему в глаза. — Я ведь знаю, что вы делаете это ради моего блага.

Хэ Бугуй промолчал, не найдя что ответить на столь обезоруживающую искренность.

Внезапное проявление заботы мгновенно испарило остатки обиды из сердца юноши. Почувствовав слабину, он тут же придвинулся ближе и заискивающе заканючил:

— Бессмертный владыка, раз уж мне так сильно досталось, не согласитесь ли вы разобрать мои чертежи? Подскажите, что исправить, научите меня!

Эта лукавая просьба, прозвучавшая едва ли не как капризное требование, поставила Хэ Бугуя в затруднительное положение. Сдерживая вздох, он все же сжалился над израненным помощником и велел Жэньдуну принести мазь, а сам неохотно потянулся к свиткам.

Поначалу он листал их лишь ради проформы, но вскоре его взгляд зацепился за детали. Мальчишка оказался на редкость сметлив: его талант к созданию марионеток и механических устройств превосходил любые ожидания. Сам того не заметив, Хэ Бугуй погрузился в изучение набросков. Задумчиво покусывая кончик кисти, он то и дело вносил исправления, скупко комментируя свои действия.

Поздно ночью, наевшись досыта, Юй Уцюэ с явной неохотой распрощался и ушел, оставив обитель в привычном безмолвии.

Хэ Бугуй откинулся на спинку плетеного кресла, созерцая бледный серп луны. За один этот вечер он произнес больше слов, чем за весь минувший месяц, но, к собственному удивлению, не чувствовал усталости. Время пролетело незаметно. Оказалось, что возиться с чужими чертежами — куда более занимательное средство от скуки, нежели бесконечные шахматные партии с самим собой.

Миновало еще семь дней.

Вновь подошел назначенный срок. Едва пробил час Свиньи, как Юй Уцюэ, бережно неся укутанный горшочек с горячими рисовыми шариками, поспешил к Парящему дворцу.

«Удивительно, — подумал он, поднимаясь по ступеням. — Неужели Бессмертный Тайвэй сегодня не занят ремеслом?»

В залах ярко горели светильники, но внутри царила тишина. Кунъю встретил гостя в дверях и повел его по крытой галерее:

— Молодой господин Юй, ступайте сюда. Хозяин сейчас в саду, упражняется с мечом.

Проход между главным залом и личными покоями пролегал мимо купальни с горячим источником. Вокруг красовались изящные беседки с расписными балками, а воздух наполнился дурманящим ароматом цветущего османтуса. Влекомый этим сладким шлейфом, Юй Уцюэ шагнул на мощеную дорожку. Вскоре до его слуха долетел резкий свист рассекаемого воздуха, а взору открылось поистине завораживающее зрелище.

Он впервые видел Хэ Бугуя с оружием в руках.

Тот сжимал рукоять безупречного меча, вырезанного из молочно-белого нефрита, но даже благородный камень казался тусклым рядом с ним. В холодном лунном свете и клинок, и силуэт мужчины словно светились серебром. Сегодня Хэ Бугуй высоко собрал волосы и облачился в простой, плотно облегающий дорожный костюм. Обычная величавая медлительность уступила место хищной, стремительной грации.

Каждое движение дышало смертоносной силой. Острие взрезало воздух, поднимая ввысь вихри опавших лепестков. Сделав эффектный выпад и крутанув оружие в руке, Хэ Бугуй взмыл в воздух, застыв на мгновение в грациозном пируэте.

Он напоминал весеннюю сосну во всем ее великолепии, а плавность его движений рождала в памяти строки о летящем вихре и кружащемся снеге.

Юй Уцюэ помнил, что в эти часы духовная энергия наставника полностью угасала. Без подпитки изнутри любой другой мечник выглядел бы жалко, но мастерство Хэ Бугуя было столь отточенным, что не нуждалось в чарах. В одно мгновение его выпад дышал яростной

жаждой крови, а в следующее клинок замирал, лишь слегка касаясь кончиком нежного бутона. Закрепленное на его заколке белоснежное журавлиное перо трепетало в такт шагам. Это не было простой тренировкой — перед взором юноши вершился священный танец белого журавля под облаками, оставляющий после себя лишь шорох листы и тонкий аромат ночного османтуса.

Юй Уцюэ отчаянно пытался вспомнить подходящее стихотворение, но все возвышенные строки великих поэтов меркли перед этой картиной.

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, Хэ Бугуй резко опустил клинок и обернулся. Заметив гостя, он слегка нахмурился:

— Рот прикрой.

С трудом сглотнув набежавшую слюну, Юй Уцюэ закивал и поспешно засеменил навстречу, прижимая к груди ларец с угощением:

— Бессмертный владыка, ваш прием «Десять тысяч клинков, пронзающих небеса» просто невероятен! Мастерство и точность удара заменяют любые чары. Даже без капли духовных сил вы способны сокрушить врага в мгновение ока!

Хэ Бугуй пропустил эту лесть мимо ушей.

— Задания выполнил? — сухо спросил он.

— Все готово! А еще я сварил для вас сладкие рисовые шарики. Угощайтесь, пока они горячие, а заодно и чертежи посмотрите, — затараторил юноша, высоко поднимая ларец и сияя от уха до уха.

Хэ Бугуй окинул его взглядом, забрал у подросшего Кунчжи шелковый платок, вытер влажный лоб и кивнул:

— Идем к столу.

Они устроились за низким столиком в беседке. Юй Уцюэ бережно расставил пиалы: в одной дымился суп с рисовыми шариками в ферментированном вине, в другой лежали шарики, густо обсыпанные сладкой соевой мукой. Рядом легла увесистая стопка исписанных свитков.

За последние дни Юй Уцюэ успел раскусить сложный характер наставника. Хэ Бугуй был упрям и не любил оставаться в долгу. Чтобы проявить к нему заботу, нужно было сначала о чем-то его попросить — только тогда, чувствуя, что совершается честный обмен, бессмертный благосклонно принимал его подношения.

Разложив перед собой чертежи, Хэ Бугуй велел слуге зажечь еще пару светильников.

На сей раз Юй Уцюэ волновался меньше, но близость великого мастера марионеток все равно заставляла его сердце биться чаще. Его обуревали противоречивые чувства. С одной стороны, он до смерти боялся услышать разгромную критику, которая растопчет его уверенность в собственных силах. С другой — не меньше пугало равнодушное одобрение, ведь тогда он ничему не сможет научиться.

Пока наставник внимательно изучал наброски, Юй Уцюэ заворуженно наблюдал за его сосредоточенным профилем. Наконец, не выдержав затянувшегося молчания, он шумно сглотнул и решился заговорить:

— Это проект новой брони для А-Куны. Я разработал два варианта источника энергии. Если вы по-прежнему против использования ядра души, я могу создать узел сопряжения: броня будет питаться моей духовной силой через ментальный мост с духом зверя.

— Главная трудность заключалась в начертании рунных контуров. Пространственные массивы «Сумеру и Горчичного зерна» требуют колоссальных энергозатрат, обычный накопитель с ними бы не справился. Но благодаря советам главы дворца и вашим старым рукописям, я смог объединить оба подхода и переписать схему.

Хэ Бугуй по-прежнему молчал, однако его взгляд послушно следовал за каждым указанием пальца юноши на бумаге. Заметив этот интерес, Юй Уцюэ воодушевился еще сильнее.

— И все же, признаюсь честно, я бы предпочел первый вариант с духовным ядром. Полностью воссоздать живую плоть механикой невозможно, но этот способ позволит достичь идеального слияния духа и его новой оболочки.

Прошло немало времени, прежде чем Хэ Бугуй негромко отозвался:

— М-м. — Он медленно поднял глаза. — Скажи, почему ты так упорствуешь в желании создать тело для А-Куны?

— Из-за вас, — прямо ответил Юй Уцюэ.

Хэ Бугуй удивленно приподнял бровь, безмолвно призывая к объяснениям.

— Пробуждение Горы Алого Золота не было случайностью, — серьезно продолжил юноша. — В этот раз вы усмирили пламя ценой огромных усилий. Но что случится при следующем извержении? Я не хочу, чтобы из-за моих промахов вы вновь растрачивали жизненные силы. Вернуть прежнего зверя к жизни мы не властны, но создание механического Кунда-зверя станет достойным выходом из положения.

— Мне никогда прежде не доводилось работать со столь масштабными проектами, поэтому я очень рассчитываю на ваши подсказки. И еще... — Юй Уцюэ смущенно похлопал себя по пустым карманам. — Нам потребуется прорва дорогостоящих материалов.

— Возьмешь все необходимое на складе, — равнодушно отозвался Хэ Бугуй, но тут же строго добавил: — И запиши на свой счет.

— Будет сделано! — просиял юноша. — А теперь попробуйте десерт, пока не остыл.

Кисловатая сладость супа прекрасно освежала, а рисовые шарики в нежной соевой пудре таяли на языке. Хэ Бугуй съел добрую половину угощения, аккуратно промокнул губы салфеткой и жестом попросил у Кунчжи кисть с красной тушью.

— Металл для каркаса нужно подобрать тщательнее, — наводя красные круги на чертеже, заговорил он. — Лава Горы Алого Золота способна расплавить любое обычное железо за считанные мгновения. Тебе придется изрядно попотеть, чтобы найти нужный сплав.

— Слушаюсь! Все сделаю!

— Кости А-Куны уже преданы земле, однако подробные анатомические зарисовки хранятся в архивах. Отправляйся в библиотеку и изучи их. Позвоночник этого зверя устроен уникальным образом: в нем вдвое больше позвонков, чем у обычных тварей его размеров. Поразмысли над тем, какую выгоду из этого можно извлечь.

— Да! Завтра же займусь этим!

— Живая плоть зверя из-за его малоподвижного образа жизни частично утратила свои свойства, некоторые функции атрофировались. Раз уж мы создаем доспех с нуля, попытайся исправить эти недостатки. Пошевели мозгами.

— Как раз об этом я и думал!

Кисть в пальцах Хэ Бугуя на миг замерла. Он обвел жирным кругом одну из строчек.

— Что еще за... «Режим весеннего ветра и осенней луны»?

Юй Уцюэ неловко поскреб затылок:

— А, это... Во втором проекте предусмотрено два состояния. Первое — боевое, для поглощения и остужения лавы. А второе... второе я разработал специально для А-Да. Кунчжи проговорился, что они с А-Куном были супружеской парой и очень любили друг друга. Я побоялся, что А-Да не примет бездушную грудку железа, вот и добавил пару функций, чтобы помочь А-Куню

умаслить благоверную.

Хэ Бугуй лишился дара речи.

Кунчжи прыснул в кулак:

— Какая поразительная чуткость, молодой господин Юй. Теперь понятно, откуда взялось такое название.

— Намерение похвальное, но название звучит на редкость пошло, — отрезал Хэ Бугуй. — Смени его.

— Вообще-то сначала я хотел назвать его «Кувыркающиеся фениксы», — невинно протянул Юй Уцюэ. — Но решил, что это чересчур прямолинейно. Неужели вам больше нравится такой вариант?

— Юй Уцюэ! — с нажимом произнес наставник.

— Ну... тогда, может, «Слияние душ и плоти»?

— Или «Шепот у подушки»?

— На худой конец — «Игривый дракон и ласковый феникс»!

Кунчжи уже не сдерживал хохота, а покрасневший до ушей Юй Уцюэ поспешно замахал руками:

— Все, молчу, молчу! Я перепишу!

Бай Инчи еще не успел переступить порог обители, как до его слуха долетел звонкий смех слуги-марионетки и тяжелый вздох младшего брата. Голос Юй Уцюэ трещал без умолку, без зазрения совести высыпая одно скабрзное выражение за другим.

Впрочем, во дворике царило редкое оживление. Слышать здесь веселые голоса было непривычно, но приятно.

Подойдя ближе, глава ордена увидел забавную картину: Юй Уцюэ сидел на корточках перед Хэ Бугуем и, отчаянно жестикулируя, втолковывал ему устройство какого-то шарнира. Его наставник, подперев ладонью подбородок, слушал в пол-уха и задумчиво вертел в пальцах кисть с красной тушью.

Кунчжи первым заметил гостя и почтительно склонился:

— Приветствую главу дворца.

Хэ Бугуй обернулся:

— Шисюн?

Юй Уцюэ тут же вскочил на ноги и низко поклонился:

— Приветствую главу дворца Бая.

Юй Уцюэ торопливо уступил свое место. Бай Инчи с теплой улыбкой похлопал его по плечу и сел подле младшего брата. Поймав его ладонь, он легонько сжал ее в своих руках:

— Уже за полночь, почему вы сидите в саду? На улице зябко, у тебя пальцы совсем заledenели.

— Эта ладонь теплая, — Хэ Бугуй едва заметно улыбнулся и перехватил руку шисюна, показывая вторую ладонь. — Я грелся о чашу с супом.

— Вот и славно.

Между ними мгновенно установилась та особенная, теплая атмосфера близости, в которую постороннему ходу не было. Юй Уцюэ не впервые видел их вместе, но прежде заботу выказывал лишь сам Бай Инчи. Теперь же юноше довелось воочию узреть улыбку Хэ Бугуя. Пусть едва заметную, но предназначенную только для старшего брата. Рядом с ним холодный Бессмертный Тайвэй казался мягким, умиротворенным человеком. Больше всего Юй Уцюэ завидовал тому, с какой естественной легкостью Хэ Бугуй принимал чужую заботу — без привычного стремления отгородиться, подсчитать долги или вернуть услугу.

Словно весь мир для него делился на две неравные части: чужаки, с которыми следовало строго вести учет взаимных одолжений, и близкие, кому можно было довериться без оглядки.

«Когда же ты начнешь относиться ко мне как к своему?» — с тоскливой ревностью подумал Юй Уцюэ.

Тем временем Бай Инчи увлек младшего брата за собой в покои. Юй Уцюэ, почувствовав себя лишним на этом празднике жизни, уныло выкрикнул вслед:

— В таком случае я пойду к себе!

Бай Инчи обернулся через плечо:

— Заходи, Уцюэ. Тебе тоже стоит это выслушать.

Хэ Бугуй едва заметно кивнул в знак согласия. Воодушевленный этим жестом, юноша торопливо свернул свои бумаги и юркнул следом за ними.

— Позвольте мне забрать, — негромко шепнул Кунчжи, перехватывая свитки. — Хозяин закончит правки, и я верну их вам завтра утром.

Когда все трое устроились за столом, Бай Инчи извлек из широкого рукава бумажный свиток и развернул его перед ними:

— Уцюэ, взгляни. Доводилось ли тебе встречать подобную тварь?

Изображенное на рисунке существо выглядело неопишимо уродливо: восемь сросшихся человеческих тел, покоящихся на переплетении извивающихся щупалец.

Юй Уцюэ низко склонился над столом, потирая подбородок, а затем покачал головой:

— Само чудище я вижу впервые. Но вот этот лик... — Он указал пальцем на небольшое набросанное сбоку человеческое лицо. — Очень похож на того негодяя, которого мы встретили у озера.

— Ты уверен?

— В ту ночь было довольно темно, и я разглядел его лишь мельком при лунном свете, — честно признался юноша. — Черты лица поразительно схожи, но ручаться головой я бы не стал.

Куда больше, чем сходство, Хэ Бугуя заинтересовала сама суть изображенного монстра:

— Что это за тварь?

— Утянь, — ответил Бай Инчи.

На лице Хэ Бугуя отразилось легкое удивление. Глава дворца удовлетворенно кивнул:

— Именно. Нам обоим это имя знакомо лишь по древним хроникам, но никто из ныне живущих не видел его истинного обличья. А ведь в тайных записях он описан именно так.

— Откуда у тебя этот рисунок? — спросил Хэ Бугуй.

— Глава Секты Укрощения Духов позволил мне снять копию со своей семейной реликвии — трактата, где собраны описания едва ли не всех тварей, когда-либо ступавших по этой земле, — Бай Инчи перевел взгляд на юношу. — Уцюэ, если мы приведем тебя к нему, ты сможешь опознать его лично?

— Несомненно. Я сошелся с ним лицом к лицу во время схватки и находился ближе всех. Если увижу снова — узнаю из тысячи.

— В таком случае, — улыбнулся Бай Инчи, — тебе придется отправиться с нами.

Хэ Бугуй мгновенно догадался, о каком месте идет речь. Но туда не было хода посторонним. Он бросил вопросительный взгляд на шисюна, однако в ответ Бай Инчи лишь загадочно прищурился.

Ничего не понимающий Юй Уцюэ растерянно переводил взор с одного на другого:

— Позвольте узнать, куда именно мы держим путь?

Бай Инчи с сухим щелчком захлопнул веер:

— В самое сердце запретных земель Дворца Небесного Предела. В Тюрьму Иссохшей Воды.

<http://bllate.org/book/20165/2151428>